

СМЕРДЫ В ОБЛАСТЯХ НЕМЕЦКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ XI—XIII ВЕКОВ

Б. Рыськин

Слово «смерд», которым называли основное население Киевской и Новгородской Руси¹, известно не только на Руси, но и за её пределами. Изредка оно встречается и в средневековых памятниках Западной Европы. Как известно, со смердами мы сталкиваемся в письменных источниках, относящихся к Польше, в которых оно выступает в виде *smard*. Встречается оно также и в грамотах, относящихся к областям средневековой Германии, заселённым ранее славянами. Здесь *smurdi*, *zmurdi*, *smardones*, *smurdones* фигурируют в грамотах периода немецкой агрессии в славянских землях в XI—XIII веках.

Число этих грамот невелико. Но это следует объяснить не недостаточным распространением термина «смерд» среди славян, подвергшихся натиску немецкого феодализма, а тем, что грамот, относящихся к славянским землям, колонизировавшимся немцами в XI—XIII вв., сохранилось ничтожно мало. Надо полагать, что условия немецкой агрессии не способствовали составлению самих грамот и их сохранению. В итоге мы имеем лишь одиночные грамоты о дарениях церковных земель и некоторые другие, в которых упоминаются смерды.

Содержание этих случайно сохранившихся в незначительном количестве документов не отличается полнотой. Как правило, грамоты ограничиваются перечислением смердов наряду с движимыми и недвижимыми владениями, о которых в них идёт речь. К числу таких грамот относятся некоторые грамоты германских императоров — Генриха III (1039—1056)², Генриха IV (1056—1106)³, Генриха VI (1165—1197) и некоторые дру-

гие, в которых смерды упоминаются как население вотчин. В редких случаях эти документы вскользь трактуют и о правовом положении смердов. Таковы грамота гальберштадтского епископа Рейнгарда от 1122 г.⁴ и договор маркграфа Оттона Мейсенского с Дирихом, маркграфом Восточной (лужицкой) марки, от 1181 года⁵.

В грамотах XIII в. смерды упоминаются ещё реже, в частности в двух рукописях, относящихся к 1234 и к 1279 году. В последней речь идёт об освобождении графом двух смердов, «приписанных к нам издавна на смердцем праве»⁶.

Большая часть указанных источников относится к областям, заселённым сербами, лужичанами, мильтанами и гломачами, т. е. областям, в которых захват немцами славянских земель в XI—XIII вв. шёл очень интенсивно и славяне были сломлены в результате кровавой борьбы предшествующего времени.

Победа немцев над славянами привела к утверждению в этих областях немецкой церкви, политических учреждений Германии и стремительному проведению феодализации.

Начиная с конца XIII в. термин «смерд» уже почти не встречается в грамотах. Это исчезновение является несомненным следствием успехов германизации, вытеснившей старую славянскую терминологию и заменившей её обычной латинской или немецкой.

¹ Греков в Б. «Киевская Русь», стр. 127, 3-е изд.; его же «Крестьяне на Руси», стр. 216. М. 1946.

² Monumentum Germaniae Historiae. Diplomata regum et imperatorum Germaniae. T. V. Heinrici III Diplomata, pars I. Berol. 1926. diplom. 19, 60, 83, 112.

³ Там же. T. VI. Heinrici IV diplomata, pars I. Berol. 1941, dipl. 131, 140, 141.

⁴ Schöttgen und Kreisig. Diplomata. II, 694; Schulthess, Director diplom. I, 27; Knothe H. «Die verschiedene Klassen der slavischer Höriger in den wettischen Landen». N. A. für Sachs. Geschichte. Bd. IV, S. 3, 1883.

⁵ Köhler «Kloster St. Peter», S. 52.

⁶ Menckel. Script. II, 695; nobis in jure smurdorum ob antique astrictos (цит. по Knothe).

Что касается топонимики славянских земель, ставших ареной немецкой колонизации в XI—XIII вв., то было принято считать, что «местных названий, производных от термина «смерд», западноевропейские учёные... не касались и лишь между прочим приводили отдельные примеры в своих работах»⁷. Неизвестно, какие отдельные примеры имел в виду автор этих строк, Е. А. Рыдзевская, сама занимавшаяся смердами в топонимике Восточной Европы, но ни Ягич⁸, ни Пейскер⁹, ни С. Юшков¹⁰, ни другие исследователи, касавшиеся вопроса о смердах на Западе, ни словом не обмолвились о наличии этого термина в топонимике некогда славянских областей Германии. Между тем в этих областях он встречается. В топонимике Мекленбурга, области полабских славян, мы встречаем в одной грамоте о пожаловании Конрадом III поместия гавельбергскому епископу под названием *Malsci Zmurdiasa*¹¹. Кроме того термин «смерд» выступает в гувовом устройстве восточной Германии вплоть до XV века. Галтаус¹² в своё время извлёк из писцовой книги одного собора следующие записи: «В Таухе и Рид-Таухене имеется 8 смердых гуф... В Грослау имеется 18 смердых гуф». А Шоттген указывает относительно Силезии: «Выражение «смердя гуфа» часто встречается в наших краях»¹³.

Всё сказанное позволяет предполагать, что степень распространения термина «смерд» была гораздо большей, чем принято считать, и появление его в источниках отражает широкое распространение этого слова. В Силезии, Лужице, Мейсене, Мекленбурге и других областях немецкой колонизации термин «смерд» служил для обозначения коренного славянского населения, отчуждённого под власть немецких феодалов после завоевания ими этих областей.

Начиная с X в., со времени захвата Генрихом I значительных областей принадлежавших славянам, и основания немцами на территории сербов Мейсена, в последующей насильственной колонизации бассейна Савы, вплоть до разбойничьего захвата немцами Заальбья, последние сталкиваются со славянами. В той мере, в какой источники говорят о населении захваченных немцами земельных владений, речь идёт о смердах.

В то же время нужно отметить следующее: в одной из указанных грамот мы на-

ряду со смердами встречаем ещё и упоминание о журанах и витязях¹⁴. Эти термины говорят о том, что, помимо смердов, были и другие социальные слои среди славян, подчинённых немцам в период завоевания.

Исследователи вопроса о смердах в областях немецкой колонизации не обратили должного внимания на социальное положение смердов. Происходило это потому, что, подходя к вопросу о смердах с позиции немецкой историко-юридической школы, они рассматривали его лишь попутно с решением задач, стоявших перед этой школой. Социальное положение смердов являлось для них небольшой частью вопроса о правовой стороне сословного строя средневековой Германии¹⁵. Все высказывания этих исследователей основывались не на изучении исторической эволюции той общественной группы, которую составляли смерды, а сводились к юридическим определениям на основе отдельных формулировок источников. Шире пытался поставить вопрос о смердах Шульце¹⁶, но вся беда его как исследователя заключалась в предвзятом мнении о существовании исконной несвободы у славян.

В то же время те немногие исследователи, которые ставили перед собой задачу рассмотреть вопрос о смердах как вопрос внутрениславянский¹⁷, подходили к нему с таких же чужеродных методологических позиций, как и немецкие. И. Пейскеру такое исследование послужило одним из оснований для построения глубоко ошибочной концепции истории славян, по которой всякая господствующая у славян группа общества принадлежала всегда к завоевателям-иноземцам.

Что представляли собой смерды, упоминаемые в хрониках Германии в XI—XIII веках? Термин «смерд» в период после немецкого завоевания был унаследован от предшествующего времени, когда славянские племена ещё не попали под власть завоевателей. Следовательно, в смердах, поскольку мы их видим наряду с журанами и витязями, выступают черты известного деления общества на классы, существовавшего гораздо ранее времени составления наших источников.

В литературе вопроса обычно говорится о смердах как о зависимых держателях чужой земли на определённых условиях и как о юридически бесправной категории сельского населения. О положении и социальном характере этой категории авторы обычно судят, исходя из тех социальных отношений, которые сложились между феодалами и крестьянами в период расцвета феодализма. С другой стороны, стало обычным переносить эти отношения на период до немецкого завоевания.

¹⁴ Грамота 1181 года.

¹⁵ Waitz H. «Deutsche Verfassungsgeschichte». Bd. V, S. 201—202. 1883; Schröder «Deutsche Rechtsgeschichte». Bd. I, S. 454; Knothe H. Op. cit., Bd. IV, S. 1—36.

¹⁶ Schulze E. «Die Kolonisierung und Germanisierung der Gebiete zwischen Saale und Elbe». L. 1896.

¹⁷ Peisker J. Op. cit., S. 134—143.

⁷ Рыдзевская Е. «Слово «смерд» в топонимике». «Проблемы источниковедения». Сб. II. Академии наук СССР, стр. 7. М.-Л. 1936.

⁸ Ягич В. Рецензия на «Русские юридические древности» В. И. Сергеевича. Archiv f. slav. Philol. Bd. III, S. 285—300. 1891.

⁹ Peisker J. «Die älteren Beziehungen der Slaven zu Turkotataren und Germanen». 1905.

¹⁰ Юшков С. «К вопросу о смердах». «Учёные записки» Саратовского университета. Т. I. Вып. 4-й, стр. 46—82.

¹¹ «Meklenburgisches Urkundenbuch». Bd. I, S. 52.

¹² Haltaus «Glossarium Germanicum medii aevi». p. 1638. L. 1768.

¹³ Knothe H. Op. cit. Bd. IV, S. 19. 1888.

По Гальтаусу, «смердами являются крепостные славянского происхождения, отпущенные на волю колони, вольноотпущенники, наделённые мансами»¹⁸; по Шульте-су, они то же, что и крестьяне¹⁹; Лепсиус тоже говорит, что «под смердами обычно подразумеваются крепостные»²⁰. Несмотря на иной точки зрения придерживался К. Антон, который считал, что «среди славянских слуг и дворовых находились такие, которых называли смердами»²¹. С ним согласен Келлер, заявлявший, что «смерды — это те, которые несли подённые барщины»²². К Антону и Келлеру примыкает Шефер, заявляющий: «Следует признать, что смерды, которые, повидимому, частью были славяне, менее были свободны, чем альдионы, более обязаны были дворовыми повинностями, чем повинностями на поле, и употреблялись для низших работ»²³.

Все указанные авторы согласны в том, что смерды — крепостные. Разногласия существуют только по вопросу о степени закрепощения. Одни считают их просто крепостными, для других они крепостные низшей категории, дворовая челядь и т. п. В качестве последних их рассматривал Пейскер, считавший, что смерды были полностью несвободны и настолько лишены всяких имущественных и личных прав, что их можно было продавать. Они не имели также никаких наследственных прав²⁴. До Пейскера по этому вопросу высказался Ягич. «Если бы, — говорит он, — мы хотели объяснить те из шлезвиг-польских и лужицко-сербских грамот XII—XIII вв., в которых встречается этот термин, то мы должны были бы признать в них (в смердах — Б. Р.) крепостных низшего состояния»²⁵.

Несколько иную позицию занимая в этом вопросе Вайц (а за ним и Шредер). Вайц приравнивал смердов к колонам. «В славянских областях между Саалой и Эльбой колони именуются чужеземным именем *smurdi*. Их отличает от собственных людей то, что они платят чинш. Рядом с ними находятся «альдионы», относительно к тому, чем является это имя у лангобардов, у которых оно встречается; здесь (в славянских областях — Б. Р.) оно обозначает класс зависимых людей, соответствующих латам других племён»²⁶. Итак, по Вайцу, смерды являются колонами по своему положению, а не альдионами. Он противопоставляет смердов последним, предполагая, что они обозначают крепостных несла-

вян²⁷. Что касается термина «колони», то этот «римский термин» употребляется, по Вайцу, в средние века в неопределённом смысле. Под этим словом подразумевают как тех, которые занимают землю, не имея личных прав на неё, так и тех, кто передал своё собственное владение епископу и получил её в пользование или бенефициальное держание. Средневековые грамоты различают свободных и несвободных колонов, в то время как в других случаях они противопоставляются слугам, а также упоминаются наряду со свободными литами²⁸.

Итак, по Вайцу, смерды являются колонами, для которых свобода более характерна, чем несвобода. Это держатели-чиншевики. В свете этого определения интересно одно старое высказывание: «Смерды, класс крепостных славян, о которых мы можем предполагать не больше того, что они в Силезии также сидели на пахотных землях и имели лучшие условия, чем другие категории крепостных»²⁹. Согласно наблюдению этого автора, смерды — отнюдь не низшая категория крепостных.

В русской литературе, в которой вопрос о смердах у западных славян почти не ставился, С. В. Юшков, вслед за Дюканжем, Вайцем, Шредером признал смердов «колонами славянского происхождения, находящимися в зависимости от германских землевладельцев»³⁰. По его мнению, «смерды не были рабами, но их правоспособность и личная свобода были ограничены, смерд был человеком *manus mortuae* и был прикреплен к участку земли, на которой он жил»³¹.

Как видно, к единому взгляду на социальное положение смердов у западных славян в период после немецкого завоевания славянских областей в XI—XIII вв. авторы придти не могли.

Обратимся к указанным источникам о смердах. В 1040 г. император Генрих III подарил епископской церкви Наумбурга в собственность владение Кюсен в области Шурби на Саале, бывшее до тех пор леном маркграфа, «с пустошами, строениями и другими шестью владениями и колонами, которые обычно именуются смердами»³². а также леса, пастбища, болота, воды и другие недвижимости, на которые в дальнейшем распространилась власть получателя.

В том же году церковь получила новый подарок императора — владения, расположенные в областях Вейта и Тухорина, ранее находившиеся в бенефициальном держании у некоего Шеменецеля, — «поместья Бутки и Бухнович, Гроджаку, Костицу и Гротлину, со всеми примыкающими владениями и службами, с обработанными и не-

¹⁸ Haltaus. Op. cit., S. 1638.

¹⁹ «Zmurdes soviel als Bauern» (Schultheß. Direct. dipl. I, 271; цит. по Knothe. Op. cit., S. 22).

²⁰ Lepsius «Geschichte der Bishop von Naumburg», S. 205. (Цит. по Knothe, S. 22).

²¹ Anton K. «Geschichte der deutsch. Landwirtschaft», Bd. 11, S. 180.

²² Köhler. Op. cit., S. 52.

²³ Schäfer «Sachsen-Chronik». Bd. 11, S. 10.

²⁴ Peisker. Op. cit., S. 139—151.

²⁵ Jagic V. Op. cit., S. 295.

²⁶ Waitz G. Op. cit. Bd. V. S. 202.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, стр. 201.

²⁹ Tzschoppe und Stenzel. «Urkunden-Sammlung» Einleitung 68. (Цит. по Knothe, S. 22).

³⁰ Юшков в С. Указ. соч., стр. 77.

³¹ Там же.

³² M. G. H. Dipl. reg. et imper, germ. T. V, pars I, p. 25.

обработанными землями и лесами, водами и т. п. имуществом», а также и «другими шестью семьями альдионов или смердов»³³.

В 1041 г. Генрих III дарит дружиннику уже указанного маркграфа Эггарду Маркварту «десять королевских мансов в Тугине с десятью смердами, их жёнами, сыновьями и дочерьми, а также со всеми их владениями»³⁴. Но эта грамота затем оговаривает, что если в указанном владении десяти королевских мансов не окажется и если их (смердов) окажется меньше, то одариваемому предоставлены будут десять других мансов, расположенных вблизи тех, которые дарятся³⁵. Та же Наумбургская церковь получила в 1043 г. от Генриха III ещё одно владение, у Рогача, в области Суслини, со всеми принадлежавшими ему пастбищами, лесами, землями, смердами, лассами... за исключением четырёх крепостных, со всем их имуществом³⁶.

Дарения Наумбургской церкви продолжались и при императоре Генрихе IV, который передал ей в 1064 г. Гробу «со всеми принадлежностями, т. е. шестью мандиппиями, виллами, смердами, постройками, землями и пр.»³⁷. В 1066 г. эта церковь получила новое дарение: две вотчины со всеми принадлежащими им мандиппиями, смердами и альдионами, местами для торжищ и т. п.³⁸. В 1066 г. император утвердил переданное Марквартом этой же церкви полученное им от Генриха III владение в Тугине «со всеми мандиппиями, смердами и собственными людьми»³⁹.

Для всех перечисленных грамот характерно прежде всего то, что в них совершенно не говорится о повинностях, взимаемых со смердов, передаваемых вместе с землёй, хотя они и рассматриваются как принадлежность последней. Сами повинности и их размеры являются, по видимому, внутренним делом владельца. В XI—XIII вв. впервые возникают в славянских областях повинности; окончательное их установление было делом позднейшего времени, когда процесс феодализма в Германии в целом и её славянских областей в частности завершился полностью.

Все упоминаемые в грамотах смерды являются, как видно, держателями земли. Во всех грамотах передача прав на землю является одновременной передачей прав на живущих на ней смердов, что видно также из текста самих грамот. Грамота 1041 г. прямо говорит о передаче десяти королевских мансов и десяти семейств смердов⁴⁰. Из текста этой грамоты отнюдь не следует, что на каждом из десяти указанных мансов непременно сидел один из вышеназван-

ных смердов. Здесь, как и всюду, один или несколько мансариев могли сидеть на одном мансе, в то время как несколько мансов могли находиться в держании одного мансария. Но в целом грамота предполагает в смердах держателей земли, и то, что грамоты, как мы видели выше, именуют смердов иногда колонами, подтверждает указанное положение о смердах как о группе с устойчивым держанием, ибо колон в Германии изучаемого периода — это сидящий на земле крестьянин, лицо, наделённое средствами производства, в частности землёй. Правда, в это время крупное феодальное землевладение стало ставить в зависимость от себя тех, кто именуется колонами. Но для последних отнюдь не обязательна личная несвобода. Следовательно, то, что грамоты именуют смердов колонами, говорит раньше всего об установлении внеэкономической зависимости славянского крестьянства от укрепляющих свои позиции немецких феодалов. Самый термин «колон» в той мере, в какой он применяется в грамотах, отражает не столько социальные отношения, существовавшие внутри славянского общества до немецкого завоевания, сколько социальные отношения, привнесённые немецким господством. Новое в этих отношениях представляют крупные владения немецких завоевателей и начинающийся в связи с этим процесс закрепощения ими славянских крестьян-смердов, что и отражают наши источники.

Кроме смердов-колонов указанные грамоты упоминают ещё и альдионов. Как уже отмечалось выше, по тексту грамоты альдионы — не одно и то же, что смерды, и обе эти группы различны. Указавший на это различие Вайц видел в альдионах литов других племён⁴¹. Обобщая мнения Вайца и Шредера по вопросу о смердах и лигах, С. В. Юшков сделал следующий вывод: «Литы (liti, lidi, в Саксонии lassi, lazi, lati, fiscalini) составляли, — говорит он, — по общему мнению историков германского права, вместе со смердами один сходный по своему юридическому положению разряд сельского населения, существовавший во всех германских государствах в эпоху варварских правд»⁴². Сам С. В. Юшков также присоединяется к этому выводу. Однако с последним никак нельзя согласиться. Помимо того, что недопустимо ставить знак равенства между временем немецкой агрессии в славянских землях и временем Карла Великого, неверным является предположение, что в изучаемую нами эпоху, т. е. в эпоху развитых феодальных отношений, положение зависимого крестьянства было такое же, как в эпоху варварских правд. Только при игнорировании различий в социальных отношениях эпохи разложения родового строя и зарождения феодализма, сравнительно с последующим временем, можно высказывать такие взгляды. Однако С. В. Юшков высказывается здесь более категорично, чем Г. Вайц.

³³ M. G. H. Dipl. reg. et imper. germ. T. V, pars I, p. 78.

³⁴ Там же, стр. 108.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, стр. 141.

³⁷ Там же. T. VI, стр. 172.

³⁸ Там же, стр. 183.

³⁹ Там же, стр. 239.

⁴⁰ Там же, стр. 108.

⁴¹ Waitz G. Op. cit., S. 202.

⁴² Юшков С. Указ. соч., стр. 77.

Но историки германского права, а вслед за ними и С. В. Юшков допустили, по нашему мнению, и другую ошибку: в толковании термина «альдионы» указанных выше грамот. Ещё Вайц выразил своё недоумение по поводу появления этого термина рядом со смердами⁴³. Но это недоумение разъяснили некоторые исследователи, которые справедливо видели в альдионах разбираемых грамот славян-старожильцев, а отнюдь не альдиев лангобардского и баварского происхождения, как утверждал вслед за Вайцем С. В. Юшков. Следует иметь в виду, что составители грамот обычно «латинизировали» и «онемечивали» своей терминологией как самих славян, так и явления их жизни. Если допустить делать сравнения, то нам кажется, что альдионы следует сравнивать с *altsassen*, *altsassene leute*, старожильцами-крестьянами, довольно часто встречаемыми позже (через один—два века) в грамотах Германии, и которые являются крестьянами, живущими «по своим старым правам и старым привычкам»⁴⁴. Грамота 1040 г. говорит, как мы видели, о смердах или альдионах, не делая между ними различий и предполагая таким образом, что смерды и альдионы — это одно и то же. Хотя другая грамота, 1065 г., говорит о «смердах и альдионах», мы не имеем пока ещё оснований предполагать между ними различий.

Но у нас есть другое свидетельство об альдионах — грамота 1122 года⁴⁵. В ней сказано о том, что епископ Рейнгард Гальберштадтский утвердил дарение монастырю в Кальтенбрунне, по которому некий знатный человек, по имени Вигман, передавал монастырю все свои владения вместе с людьми, населяющими эти земли, и их правами и обязанностями. Грамота устанавливает пять групп людей владения по правам: *homines scilicet in quinque justities*. Они, *eldesten*, *knechte*, *zmuode*, *lazze*, *heyen*, и права их осуществляются в соответствии с родом и положением каждой группы.

Раньше чем рассмотреть сущность указанных групп, следует ещё раз вспомнить, что в первой половине XII в., к какой относится разбираемая нами грамота, область Кальтенбрунн, в которой расположено было дарение, имела сплошь славянское население. Однако составитель грамоты, как это видно, определяет четыре из пяти указанных групп терминами немецкими — *eldeste*, *knechte*, *lazze*, *heyen*. Эта особенность грамоты 1122 г. несколько слабее выступает в грамоте 1181 г., по которой маркграф Отто Мейсенский и Дитрих из восточной марки передали права фохта монастырю, организованному ещё их отцом Конралдом Великим. Среди прочего грамота устанавливает, что «сеньёры владений, которые называются на их языке жупанами, обязанные нести конную службу,

т. е. витязи, должны, как установлено и приказано, являться на окружные судебные собрания, именуемые ландтагами, а остальные — литы, т. е. обязанные нести повседневные службы смерды, и те, кто являются чиншевиками церкви или собственными (*progrü*), пусть остаются дома»⁴⁶. Эта грамота существенно отличается от предшествующих прежде всего тем, что она именуется смердов литами и в то же время сообщает о наличии наряду со смердами других групп зависимого от землевладельцев населения.

Население вотчины, согласно грамоте 1181 г., распадается на две группы, отличающиеся друг от друга по своим правам: одни — жупаны и витязи — должны являться на собрания, повидимому, судебные, другие же, которых грамота именуется литами и в число которых входят несущие повседневные повинности (*барщины*), смерды, церковные чиншевики и чиншевики частных лиц, таких прав не имеют. Наша грамота именуется жупанов ещё сеньёрами. Нам кажется, что это, несомненно, те самые *eldesten*, которые фигурируют в грамоте 1122 г., следовательно, те самые альдионы, о которых речь шла выше. Грамота 1122 г., как и предшествующие, применяет латинизированный немецкий термин для их названия, а грамота 1181 г., называя их соответствующим латинским названием, даёт попутно разъяснения о том, как их называют на славянском языке («сеньёры владений, которых на их языке зовут жупанами») ⁴⁷. Эти жупаны — не оторванные от земли, а сидящие на ней земледельцы, представляющие своеобразную знать среди закрепощённых славян. Судя по тому, что они, как и другие группы подпавших под власть немецких феодалов славян, передаются вместе с землёю, можно считать, что и эта своеобразная знать уже очутилась под властью последнего.

Несмотря на то, что жупаны живут на земле, принадлежащей крупному землевладельцу, их социальный вес внутри славянского общества велик. Они составляют верхушку общества, так что грамота определяет жупанов как сеньёров, что говорит за их особое положение внутри вотчины: они пользуются особыми правами, «соответственно своему происхождению», как гласит грамота 1122 года.

Составляя славянскую знать, жупаны находятся в преимущественном положении по сравнению с массой смердов, и их преимущество выступает в особом их правовом положении, в частности, в праве и обязанности посещать собрания, на которых решается всё, что связано с хозяйственными и прочими вопросами жизни населяющих вотчину крестьян. Предполагается, что на жупанов пала обязанность следить за сбором налогов и поступлением других повинностей, взимаемых в пользу феодала.

Следующей за жупанами группой, о которой упоминает грамота 1122 г., является

⁴³ Waitz G. Op. cit., S. 202—203.

⁴⁴ Своджк грамот XIV—XV вв. о них см. у Haltaus. Op. cit., p. 20—21.

⁴⁵ Schöttgen und Kreisig. Diplom. II, 694; Schulthess. Direct. diplom. I, 271.

⁴⁶ Köhler. Op. cit., p. 52.

⁴⁷ Там же.

knechte, военные слуги, обычные в феодальном поместье XI—XIII веков. Грамота 1181 г. называет этих военных слуг их славянским названием и разъясняет их функции: «витязь», т. е. обязанные конной службой»⁴⁸. Обязанность этой службы — явка на ландтаги — ставила слуг витязей в такое же привилегированное правовое по отношению к остальной массе населения положение, как и жупанов. Возможно, что им также передавалось выполнение таких функций внутри вотчины, какие обычно возлагались на жупанов.

Назвая слуг витязями, грамота 1181 г. этим ясно указывает на их славянское происхождение. Характерно, что употребление термина «витязь» в различных латинизированных и онемеченных его формах наблюдается в славянских областях Германии вплоть до XV века. В это время оно служило для обозначения ленника или ленного крестьянина⁴⁹. Таких крестьян было особенно много в старославянских землях Мейсена. Это были крестьяне, платившие, как и все другие крестьяне, ежегодные чинши со всего собираемого ими урожая зерна или несущие денежную повинность в пользу землевладельца. От барщины и иных повинностей они освобождались, так как несли конную службу. В повинности, вытекающие из земельных держаний витязей, входила, таким образом, конная служба.

В последующее время на жупанов и витязей падает ещё обязанность сбора повинностей, взимаемых с крестьян в пользу феодалов. В какой мере они выполняли эти повинности в XI—XIII вв., источники умалчивают.

В отличие от предыдущих грамот грамота 1181 г. выделяет литов, рассматривая их как группу, стоящую ниже жупанов и витязей по своему социальному весу: литы не несут обязанности являться на судебные собрания. В число литов грамота включает смердов, чиншевиков и дворовых крепостных. «Остальные литы, т. е. обязанные нести повседневные службы, смерды и те, кто является чиншевиками церкви или дворовые»⁵⁰. Другой особенностью грамоты является то, что в ней впервые применяется термин «литы» для обозначения части зависимого славянского населения: смердов, чиншевиков и дворовых крестьян. Кроме того грамота говорит не просто о смердах, как это бывало раньше, а о смердах, обязанных нести «повседневные службы». Появившиеся в грамоте 1181 г. группы литов встречаются и раньше: в грамоте 1122 г. соответственно говорится о смердах, о которых уже шла речь раньше, о лоцци и гейях.

Положение смердов к концу XII в. определяется обязанностью нести службы. Эти службы вытекали из зависимости от феодалов в землепользовании, что выступает, например, в грамоте 1194 г., в которой говорится о договоре мейсенского маркграфа

Конрада с наумбургским епископом. По этому договору «от отдельных смердых мансов должно взиматься четыре денария в пользу маркграфа, а от мансов-колониств — два денария»⁵¹. Здесь речь шла о годовой повинности, которую все подданные епископа должны были платить маркграфу, как фохту епископа, а под колониствами имеются в виду немецкие колонисты, в отношении которых подать была установлена в два раза меньшая. Из обеих грамот (1181 и 1194 гг.) нужно сделать вывод, что смерды в это время обязаны были нести натуральные повинности в пользу землевладельцев и денежные — в пользу фохта. Эти натуральные повинности заключались, по видимому, в работах на полях и дворовых барщинах. Таким образом, по сравнению с предыдущим временем зависимость смердов резко усилилась, и о них следует говорить как о крестьянах, находящихся в зависимости от феодалов по земле, на которой они сидели.

Следующей после смердов группой, которую перечисляет грамота 1181 г., являются чиншевики. Ей соответствуют, как указано выше, лацци, встречающиеся в более ранних грамотах. Термин «лацци», как известно, саксонского происхождения; у саксов он обозначал не свободных, а зависимых людей. Однако здесь он применяется в другом смысле: под ним подразумеваются держатели крестьянских гуф на условиях чинша, которых в последующее время в Германии было много и которые именовались ласситами. Судя по одной глоссе к саксонскому земскому праву, «лассит — тот, кто сидит на чиншевом наделе»⁵², за который он платит годичный чинш, как отмечалось в грамотах позднейшего времени⁵³. Чинш, который они платили за пользование землей, был произвольным: землевладелец мог его произвольно повысить и понизить.

Следует полагать, что в изучаемых нами грамотах мы встречаемся с начальным появлением термина «лацци» в применении к чиншевикам на славянских землях, и они являлись немногочисленной группой среди феодально зависимых крестьян. Возможно, что ласси — это пришлые вместе с немецкими феодалами немецкие крестьяне-чиншевики, поселившиеся рядом со смердами на славянских землях.

Последней группой являются крепостные дворовые крестьяне. Это наиболее зависимая категория крестьянства. К ней относятся четыре «крепостных со всем их имуществом», фигурирующие в грамоте, в которой идёт речь о ласситах, а также «собственные люди» грамоты 1066 г.; к ним же относятся и «собственные» грамоты 1181 года. К числу дворовых крепостных следует отнести также гейев грамоты 1122 г., название которых заимствовано, кстати сказать, из Саксонии. Эта категория

⁵¹ Schöttgen «Konrad», S. 295; Schulthess «Direct diplom.» 11, p. 43.

⁵² Haltaus. Op. cit., p. 1196.

⁵³ Там же.

⁴⁸ Köhler. Op. cit., p. 52.

⁴⁹ Knothe. Op. cit., S. 13.

⁵⁰ Köhler. Op. cit., p. 522.

дворовых крестьян, совершенно не имеющих ни наделов, ни орудий производства. Она была занята преимущественно на землях, обрабатываемых на землевладельца, и на других работах, связанных с обслуживанием вотчины. Эта низшая категория крестьянства противопоставляется составителями грамот смердам.

Таким образом, смерды отнюдь не представляют низшую группу закрепощённого крестьянства. Утверждение о том, что смерды — низшая категория крепостного крестьянства, является частью антинаучного взгляда, проповедующего, что для славян захваченных в XI—XII вв. германскими феодалами областей характерна исконная несвобода. Согласно этому взгляду, основная масса сорбов — смерды — якобы в долгу до завоевания их немцами находилась в тяжёлой зависимости от поработившей её знати и что в период этой зависимости они якобы совершенно не имели земли и только в XII в., после немецкого завоевания, смерды были посажены на землю. После этого будто бы началось улучшение социального положения славян в связи с тем, что они примкнули к немецкой колонизации и на них распространились порядки, введённые последней⁵⁴. Так оправдывается

подчинение славян немецким феодалам и дальнейшее их закрепощение.

На самом деле процесс шёл по-другому. В период разбойничьего захвата немецкими феодалами земель сорбов, гломачей и других племён и последовавшей затем колонизации классовая дифференциация среди этих племён уже существовала: часть смердов-крестьян была уже подчинена феодалам, другая, значительно большая, была независимой. Можно считать, что социальные отношения среди этих племён были подобны социальным отношениям у их соседей — поляков, — а также и на Руси. И тут и там исчезновение свободного сельского населения в это время уже обнаружилось и дало некоторые результаты. Но когда началось насильственное немецкое завоевание, то в результате его подчинены были немцам все группы побеждённых, включая жупанов и витязей, которые представляли собой высший слой сорбского общества. Они сохранили, как мы видим, известные привилегии и после завоевания. Смерды же, т. е. основная масса свободных до завоевания немцами славян, стали отныне представлять массу закрепощённого славянского крестьянства, подобно эстам и ливам, пережившим ту же судьбу вместе с появлением в Прибалтике немецких рыцарей.

⁵⁴ Schulze. Op. cit., S. 23.